

АГАПОВА Н. Д.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ А. Л. ТАХТАДЖЯНЕ

N. D. Agapova. Memories of A. L. Takhtajan.
Ն. Դ. Ագապովա։ Նուրբ Ա. Լ. Թախտաճյանի մասին։

Сейчас часто говорят, что мы живем в непростое время. Не думаю, что время бывает простым, особенно в нашей стране. Было ли легко нашим предкам, пережившим две мировые войны и революцию? После войны, когда в очередной раз усилились репрессии в отношении людей науки, искусства, литературы, жестоко пострадала биологическая наука, ее лучшие представители. Уцелевшие жили в постоянном страхе быть обвиненными в приверженности «менделизму-морганизму», а в сущности — передовой науке. Особенно это ощущалось в Ленинграде — «колыбели Великой Октябрьской революции». Именно в это время мне и многим другим довелось учиться на биофаке ЛГУ, когда царил Лысенко, а его соратник Президент читал нам лекции. Многие преподаватели вели себя сдержанно и осторожно, особо близких контактов со студентами почти не было.

Когда Армен Леонович появился на кафедре ботаники, он показался мне каким-то экзотическим существом. Уверенный в себе, раскрепощенный, яркой мужественной внешности, лишенный академической педантичности, он заражал своей страстной влюбленностью в науку.

Армен Леонович обладал большим обаянием, в то же время невольно ощущалась робость в его присутствии, — от осознания его osobosti. К студентам он относился очень тепло и демократично.

Помню поездку с ним (в ней участвовал ботаник Козлов и моя однокурсница Наташа Снигиревская) в Елизаветино, в поисках орхидных, его восторг перед великолепием изысканных по облику растений *Cypripedium calceolus*.

Единственный из всех преподавателей, он приглашал нас домой, где неизменно приветливо нас встречала его жена Алиса Григорьевна.

Позднее, учась в аспирантуре БИНа, я всегда удивлялась, как ему удавалось совмещать строгость и требовательность на работе и простоту в «домашней» атмосфере, доверительность в отношении к своим ученикам. Впервые его смелость поразила нас, когда в ЛГУ в своей заключительной лекции он не побоялся сказать, что многое, чему нас учили, — абсурд, который надо забыть. Сейчас трудно представить, что в «Ботаническом журнале» печатали, например, статьи типа «Порождение лещины грабом», а мы это обсуждали на семинарах!

Армен Леонович прекрасно охарактеризовал время так называемой «оттепели» шестидесятых: «до сих пор мы жили в тюрьме, а теперь нам разрешили погулять в тюремном двореке». Благодаря Армену Леоновичу я впервые увидела журнал «Лайф» с фотографией комнаты, в которой была зверски уничтожена царская семья. В то время мы почти ничего об этом не знали. Позднее у него появилась на книжной полке прекрасная фотография Николая II с супругой и детьми. Их гибель он считал страшным злодеянием большевиков.

Многие в БИНе считали, что у Армена Леоновича тяжелый характер, побаивались его. Думаю, что у столь одаренных творческих людей не может быть «легкого» характера. Если бы он не умел быть жестким и требовательным к себе и другим, вряд ли ему удалось бы так много сделать в науке — и самому, и огромному количеству людей, которыми он руководил. У него был вспыльчивый характер, но затем он раскаивался в своей

горячности и не стеснялся просить извинения у тех, кого ненароком обидел.

Армен Леонович был человеком, влюбленным не только в науку. Он обожал живопись, музыку, литературу. Меня восхищало его желание поделиться с нами тем, чем владел. Приезжая из заграничных поездок, он приглашал к себе домой на просмотр слайдов лучших картин из музеев Европы. Армен Леонович увлекался коллекционированием живописи, опекал Минаса Аветисяна, когда тот еще учился в Академии Художеств. Он познакомил нас, своих учеников, со Стерлиговым и Глебовой. Его привлекало передовое искусство, которое фактически было под запретом.

Армен Леонович всегда относился к своим ученикам по-отечески, многие из нас делились с ним самым сокровенным.

Особенно близким стал для меня Армен Леонович в последние годы его жизни. После смерти Алисы Григорьевны я часто навещала его. Он мужественно сопротивлялся немощи, болезням. В 80 лет Армен Леонович освоил компьютер и радовался техническим достижениям, облегчающим работу. После кровоизлияния он фактически ослеп, но несмотря на это продолжал работать, никогда не жалуясь, что ничего не видит. Почти ежедневно к нему домой приходила Вельгорская, и работа продолжалась. И в это время он по-прежнему интересовался не только наукой. Через интернет купил замечательную книгу «Голубая роза» о художниках этой группы, предложил мне обязательно ее прочитать. По его просьбе я покупала ему диски классической музыки, особенно любил он Пласидо Доминго.

Посещая Армена Леоновича, я приносила самые интересные статьи из газет и научных журналов, читала ему, а также рассказывала содержание документальных фильмов (в основном западноевропейских и американских), посвященных исследованиям мозга, различным природным явлениям и т. д. Мы говорили о литературе, живописи, о жизни. Оказалось, что его любимый поэт — Лермонтов (как и у меня!). По его просьбе, я читала ему прозу Лермонтова, «Портрет» Гоголя, «Фауст» Гете и др. В его натуре, наряду с железной волей, целеустремленностью, жесткостью, были и нежность, и мягкость, и детская наивность. Он был очень чувствительным, впечатлительным и тонким человеком. Очень тяжело было видеть физическое угасание такой личности, как он. Он был очень нежен и заботлив со своими детьми и внуками, а также с теми учениками, которые его навещали (Алик Меликян, Наташа Морозова, Валя Трифонова и др.).

Последние два года Армен Леонович был фактически прикован к постели, очень страдал, но в редкие моменты еще пытался шутить.

Я старалась развлечь его, читая некоторые «развлекательные» публикации, например, о том, что стало можно жениться и выходить замуж за животных. Были приведены примеры: в Индии девушку выдали замуж за змею, где-то (не помню) мужчина женился на козе, в Израиле женщина отпраздновала свадьбу с дельфином. Сначала Армен Леонович нахмурился, был явно в недоумении, а затем сказал с лукавой улыбкой: «а я бы женился на тыкве». Я рассказала эту историю в день его похорон за поминальным столом в зале Ученого Совета в БИНе.

Пока он был жив, даже тяжело больной, ощущалась его отеческая забота не только о близких родственниках, но и обо всех сотрудниках Ботанического института. Он был невидимой стеной, которая защищала всех нас от окружающих трудностей и невзгод. Для меня и, я думаю, для всех, кто его близко знал, он всегда останется в благодарной памяти.